

Эйлин взглянула на него, явно испытывая родственную симпатию из-за его арабской крови, и мягко произнесла:

— О славе Лин Ша я слышана давно. Генерал, узнав о вашем визите, был несказанно рад и очень надеется на предметную беседу.

Вэй Тяньюй, услышав, что она, как и другие, называет его отца «генералом», не выказал удивления и лишь слегка кивнул:

— Я и приехал специально, чтобы нанести визит генералу. Буду благодарен за его наставления.

— Муша, вы слишком скромны, — улыбнулась Эйлин, протягивая руку для рукопожатия. — В модификации оружия вы истинный мастер. Мой отец очень хотел бы, чтобы вы дали несколько советов нашим инженерам.

Вэй Тяньюй тут же ответил:

— Наставления — не мне учить. Можем обменяться опытом.

Эйлин удовлетворённо кивнула, затем перевела взгляд на молчавшего в стороне Лин Цзыхана. Её глаза загорелись, словно два глубоких изумрудных омота. Она улыбнулась и неспешно произнесла:

— Слышала, на знаменитом Убийце «Скелет» есть удивительная татуировка. Позвольте полюбоваться?

Лицо Лин Цзыхана оставалось бесстрастным. Он холодно смотрел на неё, не шелохнувшись, будто ледяной истукан, не тающий даже под палящим солнцем.

Эйлин заинтересовалась ещё больше, медленно подходя к нему.

— Не думала, что наводящий ужас Гуй Цю окажется таким юнцом. Мне это нравится. В каком возрасте ты впервые убил? — К концу фразы её голос стал шёпотом, полным соблазна.

Лин Цзыхань оставался невозмутим. Видя, что она приближается, он отступил на шаг, давая понять, что ей стоит остановиться.

Эйлин, казалось, не заметила этого и продолжила движение вперёд.

Вэй Тяньюй забеспокоился.

— Госпожа, у Сяо Цю нрав своеобразный. Пожалуйста, не приближайтесь, как бы не вышло недоразумения.

— О? — Улыбка на лице Эйлин стала шире, изящные брови взметнулись. — Правда? Нельзя подходить? Почему?

В глазах Лин Цзыхана мелькнуло раздражение, но он сдержался и отступил ещё на шаг.

Вэй Тяньюй поспешил подойти, чтобы остановить Эйлин, но голос его оставался мягким:

— Госпожа, прошу прощения, Сяо Цю не слишком вежлив...

Эйлин, не дожидаясь, пока он подойдёт, уже протянула руку:

— Руку пожать можно? Этот этикет он понимает? — Она смотрела на Лин Цзыхана, и в её словах звучала насмешка.

Лин Цзыхань смотрел на протянутую руку, оставаясь недвижимым, как изваяние, явно не желая прикоснуться к ней.

Вэй Тяньюй снова заволновался:

— Сяо Цю, прояви уважение к даме. Пожми руку.

Лин Цзыхань взглянул на него, затем нехотя поднял руку и сделал это спустя рукава. Но едва он собрался отпустить её, как почувствовал мощный рывок. Подол платья Эйлин взметнулся — следующий приём явно должен был отбросить его прочь.

Лин Цзыхань отреагировал со скоростью молнии. Его рука сжалась, блокируя её силу, тело мгновенно шагнуло вбок, закрутив её на пол-оборота спиной к себе, а затем крепко сомкнулось на её шее. В левой руке уже появился клинок, острый которого было направлено в её грудь, но в последний момент замерло, остановившись у самого сердца.

Всё произошло в мгновение ока. Никто не успел среагировать, как Эйлин оказалась в его власти, причём её тело теперь служило щитом между ним и людьми с оружием.

Те, кто приехал с ней, лишь когда оба замерли, наконец осознали ситуацию. Кто-то крикнул, и все стволы разом нацелились на них.

Лин Цзыхань лишь усмехнулся.

На лице Эйлин не было и тени страха. Напротив, она с одобрением разглядывала его нож, цокая языком от восхищения:

— Какой прекрасный клинок. Очень тебе идёт.

Этот короткий меч был причудливой формы, весь кроваво-красный, включая лезвие. Рукоять же была необычной — она была выточена в виде кисти скелета. Лин Цзыхань сжимал её, будто сжимал длинные костяные пальцы, а изогнутое лезвие напоминало линию его тонких губ, вызывая одновременно ужас и невольное притяжение.

Рассмотрев клинок, Эйлин перевела взгляд на его руку и увидела на запястье часы с откидной крышкой, на которой был выгравирован череп, отливающий на солнце серебром. Она улыбнулась и спросила:

— На правой руке у тебя, кажется, кольцо? Тоже с черепом, верно?

Вэй Тяньюй, наконец, словно опомнившись от шока, с тревогой произнёс:

— Сяо Цю, не груби! Немедленно отпусти госпожу!

Лин Цзыхань безмолвно разжал хватку и отскочил на два шага назад.

Эйлин грациозно повернулась, и улыбка на её лице была столь же яркой, как цветы вокруг. Она смотрела на этого юношу, спокойного, как дева, и стремительного, как заяц, и многозначительно произнесла:

— Я обожаю смерть, ибо она полна тайн, а значит, и очарования, влекущего к себе. Гуй Цю, мы с тобой одной породы. Таких, как мы, в этом мире мало. Мы упоены тем, что провожаем людей в то очаровательное место. Потому мы и есть ангелы.

Лин Цзыхань молча смотрел на неё несколько мгновений, и ледяная аура вокруг него понемногу растаяла. Не проронив ни слова, он вынул из-за пояса алые ножны и медленно вложил в них короткий меч.

Эйлин наблюдала, как он убирает клинок за пояс, затем поднимает брошенную на землю дорожную сумку, и лишь тогда радостно обернулась к Ло Миню и Вэй Тяньюю, громко провозгласив:

— Добро пожаловать в Золотой Полумесяц!

Ло Минь, Вэй Тяньюю и Лин Цзыхань сели в машину Эйлин. Четверо охранников Ло Миня разместились в «Хаммерах» сзади. Они, очевидно, бывали здесь не раз и были хорошо знакомы с вооружёнными людьми. Кто-то обнимался, кто-то пожимал руки, кто-то стучал кулаком по плечу — все проявляли тёплые чувства, прежде чем с весёлым гомоном усесться в машины.

Эйлин прекрасно знала дороги. Не разворачиваясь, она поехала вперёд, затем свернула в другом направлении — явно не той дорогой, которой приехала.

По пути они миновали несколько деревень. Жизнь местных не выглядела зажиточной. Смуглые мужчины и женщины с ножами для сбора опиума трудились на маковых полях, дети же возились в пыли у края поля. Увидев их машину, эти люди съёживались, но в глазах их читалась благодарность.

— Изначально здесь мак сеяли лишь раз в год, — пояснил Ло Минь сидящим сзади Вэй Тяньюю и другим, говоря из уважения к Эйлин по-английски. — В ноябре сажали, в феврале следующего года цвели, к ранней весне собирали урожай. Однако Эйлин пригласила агрономов, и после множества экспериментов с трансгенами мак стали сажать дважды в год. Теперь, собрав урожай ранней весной, в конце апреля сеют снова, в августе цветут, а к ранней осени получают обильный урожай. Доход местных крестьян удвоился, потому они и благодарны.

Вэй Тяньюю поспешил выразить восхищение:

— Это поистине замечательно, настоящее благодеяние для народа.

Эйлин рассмеялась:

— Вы льстите. На самом деле, это взаимовыгодное дело. Их доходы удвоились — наши тоже.

Ло Минь кивнул:

— Само собой. У вас отличная деловая хватка.

Эйлин громко рассмеялась, и машина быстро въехала в горный перевал. Оба склона были совершенно голы, весьма напоминая китайское Лёссовое плато и производя впечатление крайней бедности. Когда они проезжали, поднимались тучи пыли, которые долго не оседали.

Наконец перед ними открылась долина, разительно отличавшаяся от окружающей местности. Словно оазис в пустыне, здесь была трава, деревья, пруд, а среди них были разбросаны

нарядные виллы, во дворах которых цвели цветы. При первом взгляде это казалось иллюзорным, совершенно нереальным.

На вершинах холмов, окружавших долину, стояли наблюдательные посты. Те уже заметили их и известили въезд. Когда машина Эйлин приблизилась, на укрепленных воротах уже были открыты створки, пропуская их внутрь.

Эйлин не сказала ни слова, продолжая ехать вглубь. Дюжие ребята в двух «Хаммерах» сзади принялись насвистывать или весело переключаться, приветствуя охрану у ворот.

Припарковав машину, Эйлин обернулась, улыбнулась Лин Цзыханю и затем сказала Вэй Тяньюю:

— Приехали. Прощу, генерал ждёт вас.

Вэй Тяньюй улыбнулся и кивнул.

Все четверо вышли из машины.

<http://bllate.org/book/16287/1467964>